

Ик 2007-7
1172

PUBLICATIONS OF THE WISCONSIN CENTER
FOR PUSHKIN STUDIES

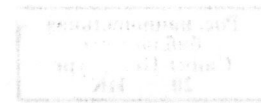
David Bethea, Alexander Dolinin
Series Editors

~ *The Pushkin Handbook*

Edited by David M. Bethea

THE UNIVERSITY OF WISCONSIN PRESS

Пушкин и французская литература

~ Л. И. Вольперт

According to the author of the present chapter, the study of Pushkin's relationship to French literature and culture has gone through three stages in Russia and the former Soviet Union: 1) from the mid-nineteenth century to the late 1940s; 2) from the late 1940s to the late 1950s; and 3) from the early 1960s to the present. During this time, beginning with the work of A. L. Bem, the idea of "influence" has been come under increasing scrutiny, developing from a concept associated mainly with "reminiscences" from foreign (in this case French) sources to one much broader and capable of engaging the poet's desire to, in his own way, capture the "spirit" of the original. How Pushkin has entered into dialogue with certain French writers, above all Chateaubriand, André Chénier, and Voltaire, has been the subject of scholarly debate over the past century, with shifts in the political climate being registered in different interpretations. Other figures to attract scholarly attention as potential intertextual sources for Pushkin's ideas and writing include: Molière, Parny, Georges Sand, Stendhal, Mérimée, Beaumarchais, Marivaux, de Musset, Hugo, Balzac, Rousseau, Montesquieu, and Sainte-Beuve. Especially valuable in this discussion for establishing the parameters of legitimate inquiry was the 1960 (posthumous) publication of B. V. Tomashevskii's monumental *Pushkin and France* (Pushkin i Frantsiia).

Проблема «Пушкин и Франция», глубоко и разносторонне изученная, привлекавшая внимание исследователей уже с конца XIX в., многогранная и многоуровневая, составляет важный аспект пушкиноведения. Научные достижения в этой области могут служить классической моделью для описания разнообразных форм компаративистских связей и творческой преемственности. Влюбленность

Пушкина во французскую цивилизацию, культурное двуязычие эпохи, общее увлечение в России французской словесностью, тот факт, что французский был для Пушкина вторым родным языком, а литературу Франции, по словам брата, он с четырнадцати лет знал чуть ли не наизусть,—все это определило особое место проблемы в пушкиноведении. Преемственные связи Пушкина с французской традицией исключительно богаты и разнообразны; по широте этого круга, включающего почти сотню имен, поэт не сравним ни с кем из русских писателей, и пушкинисты в течение полутора столетий стремились ни одну из преемственных связей не оставить без внимания. Наибольшее внимание ученых в связи с Пушкиным среди французских поэтов привлекли Вольтер, Парни, Шенье, среди прозаиков—Вольтер, Мериме, Стендаль, Шатобриан, среди драматургов—Мольер и Бомарше, но и со многими другими писателями творческие связи Пушкина разносторонне проанализированы.

Усваивая французскую традицию, Пушкин всякий раз «по-своему» ее переплавлял. Эту удивительную способность превращать «чужое» в «свое» в его время не каждый мог оценить, некоторые считали его подражателем (напр., де Кюстин писал: «Пушкин позаимствовал манеру письма у европейцев. Я не считаю его подлинным национальным поэтом»¹). В случае с Кюстином причина заблуждения понятна: он не знал русского языка, мог читать только во французском переводе, в котором своеобразие поэтики утрачивалось, а общие места и штампы романтической поэзии оставались. Но бросали подобные упреки и люди, владеющие языком.

Описывая разнообразные способы усвоения Пушкиным французской традиции, выделяя кроме обычных форм специфически «пушкинские» (маски, роли, эпистолярная игра, шуточные маргиналии, лжецитации и мн. др.), пушкинисты отмечали, что образы, сюжеты, мотивы часто не просто усваиваются поэтом, а своеобразно «обыгрываются» им, и стремились всякий раз вскрыть природу этого пародийного, иронического переосмысления.

Изучение проблемы русскими (советскими) пушкинистами, включающее как общий аспект—отношение Пушкина к культуре Франции, так и частный—к французской литературе (направления, школы, отдельные писатели), с некоторой приблизительностью можно разбить на три периода: 1) Середина XIX в.—конец 1940-х годов. 2) Конец 1940-х—конец 1950-х гг. 3) С начала 1960-х годов (выход книги Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция», 1960) по настоящее время.

В изучении западноевропейских связей Пушкина классическое пушкиноведение с первых шагов решало проблему сущности категории *влияние* и—что примечательно—в России именно на этом материале выработывалась методика компаративистского анализа. К употреблению термина «влияние» относились и подчас относятся в настоящее время с повышенной щепетильностью, как это делают, например, по отношению к Пушкину современные французские компаративисты (покойный Е. Эткинд, В. Трубецкой и др.), как бы опасаясь умалить этим термином самобытность поэта.

Большинство появившихся при жизни Пушкина, а также в конце XIX в. замечаний сводились к выявлению в творчестве поэта отдельных реминисценций и аллюзий из французской литературы (Алексей Н. Веселовский, В.В. Сиповский, П.О. Морозов и др.), но с начала XX в. (и особенно в работах А. Л. Бема, Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского) такому подходу противопоставляется широкая концепция «влияния» (связь с «историзмом», усвоение способа видения мира, самого «духа» оригинала, переключки идей). Все глубже аргументируется мысль, что при диалоге двух культур, как правило, преимущественно доминируют имманентные пружины развития национальной словесности: «Самый импорт иностранного литературного материала определяется национальными потребностями»².

В каждый из периодов изучения проблемы «Пушкин и Франция» на первый план выдвигалось ключевое имя, наиболее привлекавшее внимание исследователей. Имена писателей, вокруг которых в связи с Пушкиным преимущественно разворачивались полемические споры,—Шатобриан, Андре Шенье, Вольтер—оказывались как бы символическими знаками определенной эпохи (литературного направления, идейного течения).

Важный эпизод начала XX века—обсуждение роли Шатобриана, ставшего неожиданно ключевой фигурой, вокруг которой развернулась полемика о сущности категории *влияние*. Дискуссия завязалась по поводу «Кавказского пленника», которого ученые (В. В. Чуйко, Алексей Н. Веселовский, В. В. Сиповский и др.) стремились генетически связать с повестями Шатобриана «Атала» и «Рене». С решительным опровержением такого взгляда выступил участник венгерского семинара А. Л. Бем. Фактически, еще не формализуя теоретические понятия компаративистской науки, но как бы предвидя развитие основных принципов сравнительного метода, он уже в это время предупреждает о главных опасностях в изучении

французских связей Пушкина, метафорически говоря о Сцилле убогого провинциализма (мол, Пушкин все «открыл» сам, «один», не проходя строгой школы европейской традиции) и Харибде мелко-травчатого компаративизма, коллекционирующего незначительные черты сходства (поверхностные аллюзии, реминисценции, переключки). А. Л. Бем уже намечает черты отличия частного воздействия от типологически общего, обращает внимание на важность учета промежуточных звеньев в цепи развития, внетекстовых связей, специфики бытовых реалий. В статье «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина» (1914), молодой теоретик подверг критике концепцию пушкинского «шатобрианства», выдвинутую маститым ученым, В. В. Сиповским в работе «Пушкин, Байрон и Шатобриан» (1889). Стремясь противопоставить воздействию Байрона на Пушкина влияние Шатобриана, занижая значение английского поэта, Сиповский, по мнению Бема, допустил ряд методологических ошибок. Различая два пути в исследовании категории *влияние* (аналитический и генетический), утверждая, что речь о нем может идти только при «длительной зависимости художественной формы и поэтического мирозерцания от образца»³, Бем стремится доказать, что при сопоставительном анализе «Кавказского пленника» и «Атала» на всех уровнях (идейном, сюжетном, структуры образов) воздействие Шатобриана на Пушкина незначительно: «не будь Шатобриана—литературное наследие Пушкина осталось бы тем же»⁴. При известной правоте посылок Бема по отношению к Пушкину додекабристского периода, они все же страдали некоторой прямолинейностью: оба писателя в своем развитии претерпели сложную эволюцию, отношение поэта к французскому в конце жизни решительно изменилось («Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения»⁵). Многие исследователи 2-й половины XX в. (S. Karlinsky, М. И. Гиллельсон, В. А. Мильчина) аргументировано раскрыли глубокое воздействие Шатобриана на позднее творчество Пушкина. Целостную концепцию пушкинского «шатобрианства» еще предстоит создать. Общий теоретический пафос А. Л. Бема подхватили и продолжили ведущие компаративисты эпохи, что особенно заметно в лучших статьях первого периода.⁶

Период с конца 1940-х гг. по конец 1950-х гг. заслуживает быть выделенным особо, поскольку в это время в связи с борьбой с космополитизмом компаративистика в СССР была как бы под подозрением (на Западе она в это время как раз переживала своеобразный

«бум») и изучение литературных воздействий и влияний на Пушкина почти прекратилось (например, из 59 работ Б. В. Томашевского на тему «Пушкин и Франция» 55 опубликованы до 1947 г. и 4—за последние 10 лет). Наглядное свидетельство такого отношения—том «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (1966), из которого раздел «Пушкин и западноевропейские литературы» в последний момент был изъят, в связи с чем книга «Пушкин и Франция» в нем, практически, не упомянута (есть лишь три мелких сноски). Примечательно, что и в многочисленных хвалебных отзывах современников на «Итоги» о монографии Б. В. Томашевского не упоминается. Отметим, однако, справедливости ради, что вне зависимости от «Итогов» непосредственно на книгу в печати появились несколько похвальных отзывов (Я. Л. Левкович, П. Р. Заборов, М. Д. Эльсон, А. Н. Чичерин).

Попытка объяснения факта «замалчивания» книги тем обстоятельством, что большинство из составивших ее статей были уже ранее напечатаны, на наш взгляд, несостоятельна: Томашевский успел продвинуть ее подготовку, придать ей целостность. Книга приобрела новое качество, она выше простого механического объединения статей (не говоря о том, что значительный материал введен впервые). С точки зрения интересующей нас проблемы, «Пушкин и Франция»—главное, магистральное, до сих пор непревзойденное исследование. Пушкинисты по сей день находят в книге ценнейший материал, зерна будущих находок. Книга—истинный генератор идей: мимоходом брошенное Б.В. Томашевским замечание и сегодня становится для ученых импульсом к плодотворному поиску и неожиданным открытиям.

Заметим в скобках: она смогла появиться в печати лишь через три года после смерти ученого и только благодаря усилиям его жены И. Н. Медведевой-Томашевской, сумевшей преодолеть многие преграды. Трагическая ирония: исследовательница смогла издать книгу лишь под «ореолом» кончины ученого. Чтобы книга появилась, надо было умереть. Выход в свет монографии имел важные последствия, он как бы прорвал табу и снял с темы запрет.

Хотя книга не представляет органического единства, все же исследование Томашевского пронизано единой мыслью, объединяющей весь материал. В первой части, состоящей из трех разделов («Пушкин и народность», «Пушкин и французская литература», «Пушкин и история Французской революции»), пронизанных единой концепцией,

особенно конструктивен с точки зрения интересующей нас темы второй, включающий богатейший и разнообразный материал. Ученый дает образец работы над творческими связями Пушкина не только с писателями первой значимости, но и беллетристами второго ряда (как известно, массовая литература часто—завтрашний день искусства). В четырех статьях второго раздела, посвященных бинарным творческим связям Пушкина (Лафонтен, Мольер, Лебрен, Жорж Санд), проблема преемственности разрабатывается всякий раз по-новому, в новом ключе, причем исследование ведется на широком культурно-историческом фоне. С точки зрения рецепции Пушкиным современной литературы наибольшую ценность представляет статья «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово»—образец изучения беллетристики с включением разнообразных внелитературных связей, богатого материала, извлеченного из литературных журналов и газет. Особую ценность книге придают исключительно насыщенные 20 страниц комментариев. Хотя в наброске предисловия Томашевский предупреждал, что не претендует на всестороннее рассмотрение школ и направлений французской литературы, все же наметка такого подхода в книге осуществлена.

С конца 1960-х гг., когда гонения на компаративизм ослабевают, начинается новый подъем в исследовании французских литературных связей Пушкина, что нашло отражение в изданном библиотекой им. Ленина в 1985 г. библиографическом указателе «Взаимосвязи русской и французской литератур. Указатель книг и статей на русском языке за 1961—1983 гг.». В рубрике «Пушкин» значится 89 номеров (всего в книге—1589, но многие работы отмечены два раза—на автора и на писателя; не учтен рижский пушкинский сборник 1983г.). После появления книги Томашевского в 1980—90-е гг. начали выходить специальные исследования: Л. И. Вольперт: «Пушкин и психологическая традиция во французской литературе» (Таллинн, 1980), Р. Шульц «Пушкин и Казот» (Вашингтон, 1987); Л. И. Вольперт «Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль» (Москва, 1998).

Последний период характеризуется усилением интереса к проблеме типологической общности, теоретические основы которой разрабатывались в работах В. М. Жирмунского. В статье «Пушкин и западные литературы», созданной еще в первый период, на примере типологических сходжений (Пушкин и А. де Мюссе, Пушкин и Мериме и др.) ученый блестяще продемонстрировал на практике

свою теорию. В таком же аспекте изучались творческие связи Пушкина с французскими прозаиками, со Стендалем (Л. И. Вольперт, В. Трубецкой), Мериме (Н. А. Колосова, О. С. Муравьева), Бальзаком (Н. Н. Петрунина, Н. Д. Тмарченко), Руссо (Ю. М. Лотман), Монтескье (Д. И. Белкин), Шатобрианом, Жаненом (В. А. Мильчина), Гюго и «неистовыми» романтиками (В. Э. Вацуру, Н. Д. Тмарченко), с французской мемуарной прозой (Т. Гляссе). Интерес привлекала французская драматургия—Бомарше (Л. И. Вольперт, В. Э. Вацуру, М. Н. Виролайнен), Мариво (Л. И. Вольперт) и поэзия—А. Шенье (В. Б. Сандомирская), Сен-Бев (А. Маркович, А. Дэшан), Флориан (С. Д. Донская). Рассматривалась французская поэзия как источник стихов Пушкина: например, влияние элегии Мильвуа на «Анчар» (Д. Д. Благой) и элегии Пушкина (В. Вацуру). К сожалению, объем статьи не позволяет назвать имена всех исследователей (мы упомянули лишь некоторых).

В этот период исследователей привлекает не только проблема моделирования Пушкиным собственного поведения по образцу героев французских романов, но и в каком-то смысле воздействие на поэта жизненного поведения самих французских писателей (Лафонтен, Шамфор, Вуатюр и др.). Примером такого рода исследования в 30-е годы могла послужить статья Л. В. Крестовой «Пушкин и Данжо».

Как когда-то развернулись споры вокруг имени Шатобриана, в последний период завязалась дискуссия вокруг Вольтера и А. Шенье, имена которых как бы стали символами двух эпох—Просвещения и Французской революции, а обновившийся интерес к ним—выражением назревшей потребности в более тонком исследовании диалектики развития Пушкина, изменения его взглядов на французский вольнодумный XVIII век и Французскую революцию.

Усилившийся в последний период интерес к проблеме духовных поисков Пушкина, к изменению его отношения к религии, привел к переоценке его французских пристрастий. В связи с утверждением некоторых ученых усиливающейся на протяжении 1830-х гг. религиозности поэта пересматривается его концепция просветительской идеологии. Ее значимость для поэта, в целом не вызывающая сомнений, действительно, подавалась социологизированным советским пушкиноведением несколько прямолинейно и не совсем исторично.

Ключевой фигурой становится Вольтер. Если ранее недооценивалось изменение отношения к нему Пушкина в 1830-е годы, то в последних работах несколько преувеличенно акцентируется негативная

оценка поэтом Вольтера (Р. Шульц, А. Севастьянов и др.). В статье «Вольтер глазами Пушкина» (1987), Севастьянов, утверждая мысль о радикальном мировоззренческом сдвиге, пережитом Пушкиным, настаивает на возникшей в 1836–1837 гг. резкой антипатии поэта по отношению к французскому и подвергает критике главу о Пушкине в книге П. Р. Заборова «Русская культура и Вольтер» (1981) за, якобы, необъективность в оценке отношения поэта к кумиру его юности («... идиллическая восторженность и почитание—всячески акцентированы; разочарование, негативные оценки—всячески смягчены»⁷). Пушкин, как известно, назвал имя Вольтера 250 раз, упомянул 110 его произведений, он входил в 10 наиболее упоминаемых Пушкиным авторов, он называл его «титаном», «неподражаемым талантом» и в последние годы, писал в 1834 г. в письме к М. Яковлеву о своей любви к Вольтеру—поэтому оценки исследователей должны быть строго выверены и взвешены.

Споры исследователей возникают и по поводу отношения Пушкина к революции 1789 г. В итоговой по этой теме работе Г. М. Фридендера «Пушкин и Великая французская революция» (1995) на первый план выдвигается необходимость большей историчности в оценке постоянно меняющегося отношения Пушкина к революции. Автор раскрывает диалектику пушкинских взглядов. Споря с Б. В. Томашевским, утверждающим в работе «Пушкин и история Французской революции», что якобинский террор и Наполеон заставили Пушкина недооценивать мировое значение революции, Фридендер настаивает на гораздо более сложной позиции поэта, склонного, в конечном итоге, утверждать общечеловеческое гуманное значение революции. По словам исследователя, по пушкинской концепции, хотя «гражданская отвага сынов революции отступила перед 'буйной слепотой' и 'бешенством' поработленного и ослепленного врагами свободы народа, это все же была «огромная драма», а якобинский террор—всего лишь «одна ее гадкая фарса»⁸. Важно и то, утверждает Фридендер (такого же взгляда придерживался и Лотман), что закон, в понимании Пушкина, не только категория политическая, но и нравственная.

В связи с рассуждениями о пушкинской оценке французской революции актуализируется и давнишний спор об Андре Шенье. Так ли важно это имя для понимания пушкинской концепции революции? И кого имел Пушкин в виду под «возвышенном галлом» «Вольности»? Мнения ученых разошлись. Когда-то в ранней работе 1917 г. Б.

В. Томашевский утверждал, что—А. Шенье, позже он изменил взгляд—Экушер Лебрен и это повлекло некоторую недооценку ученым элегии Пушкина «Андрей Шенье». Томашевскому противопоставили свой взгляд М.Н. Нольман и В. Б. Сандомирская, утверждающие—Андре Шенье. Спор нельзя считать окончательно разрешенным, но все же в настоящее время большинство пушкинистов склоняются к последнему выводу, и в этом случае элегия «Андрей Шенье» приобретает исключительно важное значение для понимания эволюции пушкинской оценки революции. Связывая предсмертные мысли поэта в пушкинской элегии с авторским отношением, Сандомирская подчеркивает сложность позиции француза: «Монолог Шенье воссоздает чрезвычайно сложное движение мысли и чувства, богатые оттенками, включающие в себя резкие колебания, даже движение вспять, и переходы от тона к тону, от темы к теме»⁹.

В этот же период изучение французского воздействия на Пушкина шло и во Франции, второй—по степени интереса к теме—стране, пушкиноведение здесь составило важную часть русистики. Нас интересует изучение в стране творчества Пушкина, взятого как вне проблемы связи с Францией, так и в связи с французской литературой (первый вид исследований, естественно, превалирует).

Специфические «французские» аспекты связаны прежде всего с проблемой перевода пушкинских поэтических и прозаических текстов на французский язык. Переводить на французский язык Пушкина (как стихи, так и прозу)—трудная задача, сложнее, чем Лермонтова, главным образом из-за особенной неповторимой иронии, духа игры и скрытой пародийности, пронизывающей многие тексты.

В этом отношении исключительно важна роль А. Менье. Именно он осуществил первое полное издание Пушкина в издательствах André Bonn (1953) и l'Age de l'Homme (1973). Однако вышли только 1 и 3 тома (проза), обещанный том поэзии не вышел. Поэтому французы смогли узнать Пушкина лишь как автора «Капитанской дочки», «Пиковой дамы», «Дубровского», «Повестей Белкина», о поэте они имели весьма слабое представление. Второй том (поэзия), которого ждали с 1953 г., так и не появился: поэзия Пушкина казалась непередаваемой, так как она «полистилистична» (Е. Эткинд), под этим термином понималось столкновение стилей на глубине текста. Однако именно под руководством Е. Эткинда здесь был успешно осуществлен удачный перевод на французский язык всего корпуса

стихотворных произведений Пушкина. С 1976 г. прекрасная группа переводчиков-полиглотов и поэтов включилась в работу (André Marcowicz, Jean-Louis Backès, Claude Ernoult, Vardan Tchimickian, Marina Tsvétaieva, Satho Tchimichkian, Robert Vivier, Gabriel Arout, Elim Mestscherski, Jean-Luc Moreau, Jean Besson, Igor Astrov, Jean-Marc Bordier, Maurice Colin, Katia Granoff, Eugène Guillevic, Wladimir Bérélowitch и др.). Они использовали и старые переводы, если те оказывались удачными. Эткинд приводит характерный пример с «Утопленником». Стихотворение долго не удавалось перевести. Наконец, его удачно перевел в 1966 г. Backès, но нерифмованным октосиллабом. И вот, через 12 лет, уже с рифмой его блестяще перевел Bérélowitch, при чем сохранены не только рифма, но и строфа, что для баллады очень важно (для «Домика в Коломне» тоже важна октава, носительница духа пародии (Ариосто, Байрон)). Важно также передать конфликт между формой и содержанием в ироико-комической поэме (Буало). Самый удачный перевод «Евгения Онегина»—Арагона (он сохраняет строфу, рифму и игру стилями). Утверждая необходимость преодоления привычных подходов и поиска новых форм, Е. Эткинд так подытожил их переводческую позицию: «Мы следовали 3 принципам: 1) переводить стихами 2) сохранять строфу 3) находить аналогичные ритмические формы (иногда белый стих)»¹⁰.

Однако в этом удачном издании есть и досадные огрехи. Приведу один пример. При переводе «Моцарта и Сальери», Gabriel Arout, создавший хороший перевод, переводит слова Сальери «Он слишком был смешон для ремесла такого»: «Il était trop frivole». Если бы он знал рассказ Лагарпа о том, как Бомарше при издании Вольтера поправил слова в свой адрес «drôle» на «gai», а Пушкин употреблял именно этот эпитет («веселый Бомарше»), то он употребил бы «drôle», а не «frivole». К 150-летию юбилею Пушкина в Париже был издан посвященный ему весьма содержательный специальный том «Revue des études slaves» (1987).

Интерес представляют также попытки французов средствами художественной литературы создать портрет писателя, обрисовать его как личность. Пушкин вообще мало известен во Франции. Его знали, главным образом, по книгам Е.М.Вогюе «Русский роман» (1886), Анри Труайя «Пушкин» (1946), Владимир Вейдле «Пушкин» (1953), Жан-Луи Бакес «Пушкин сам о себе» (1966). Очень важна работа Андре Менье «Пушкин писатель и профессиональная литература в России» (1966).

Каковы перспективы изучения проблемы «Пушкин и Франция»? Представляется конструктивным как изучение типологии (включенности творчества Пушкина в магистральные течения французской литературы), так и конкретных бинарных связей (мало изучены связи с Бальзаком, Жорж Санд, Ж. Ансело). Недостаточно изучена связь Пушкина с французскими журналами и газетами 1820–30-х гг., в первую очередь с *Le Globe* (Б. В. Томашевский с очевидностью доказал насколько конструктивен такой подход). Интерес может представить более глубокое знакомство с архивами Франции (Т. Гляссе, А. Маркович и др. извлекли много ценного из архивов, но это лишь начало работы), а также детальное исследование творческих связей Пушкина с массовой литературой.

Примечания

1. Де Кюстин, Николаевская Россия, 154.
2. Томашевский, Пушкин и Франция, 9.
3. Бем, «К вопросу о влиянии», 146.
4. Там же, 163.
5. Пушкин, Полное собрание сочинений, 12: 144.
6. См., напр.: Козмин, «Пушкин-прозаик и французские остроловы XVIII века (Шамфор, Ривароль, Рюльер) (1928); Ахматова, «'Адольф' Бенжамена Констана в творчестве Пушкина» (1936); Бутакова, «Пушкин и Монтень» (1937); Жирмунский, «Пушкин и западные литературы» (1937); ранние работы Томашевского.
7. Севастьянов, «Вольтер глазами Пушкина», 147.
8. Фридендер, «Вольность и Закон», 167.
9. Сандомирская, «Андрей Шенье», 23.
10. Эткинд, «Поэзия А.С. Пушкина», 19.

Литература

- Ахматова, А.А. «'Адольф' Бенжамена Констана в творчестве Пушкина». *О Пушкине. Статьи и заметки*. Изд. 2-ое, дополненное. Горький: Волго-Вятское книжное изд., 1984. 51–90.
- . «Каменный гость Пушкина». *О Пушкине. Статьи и заметки*. Горький: Волго-Вятское книжное изд., 1984. 90–110.
- Батюшков, Ф.Д. «Пушкин и Расин». *Памяти А.С. Пушкина*. Ред. Историко-филологический факультет СПб-ского университета. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 1–34.

- Беляк, Н.В. и М.Н. Виролайнен. «'Там есть один мотив... ' ('Тарар' Бомарше в 'Моцарте и Сальери' Пушкина)». *Временник Пушкинской комиссии* 23 (1989): 32–46.
- Белкин, Д.И. «'Арап Петра Великого' А.С. Пушкина и 'Персидские письма' Монтескье». *Литературные связи и традиции* 2 (1973): 122–130.
- Бем, А.Л. «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина». *Пушкин и его современники* 15 (1911): 146–163.
- Бутакова, В. «Пушкин и Монтень». *Временник Пушкинской комиссии* 3 (1937): 203–214.
- Вацуру, В.Э. «Две заметки к пушкинским текстам». *Пушкинский дневник*. Ленинград: Наука, 1993. 21–35.
- . «К истории элегии 'Простишь ли мне ревнивые мечты'». *Временник Пушкинской комиссии* 16 (1981): 5–21.
- . «Пушкин и Бомарше. Заметки». *Пушкин. Исследования и материалы* 7 (1974): 204–214.
- Вольперт, Л.И. «A. S. Pouchkine et Mme de Staël». *Французский ежегодник 1972*. Москва: АН СССР, 1974. 286–304.
- . «'Адольф' Бенжамена Констана в переводах П.А. Вяземского и Н.А. Полевого». *Пушкин и его современники. Ученые записки Ленинградского гос. педаг. ин-та им. Герцена*. Т. 434. Ред. М.Т. Ефимова и др. Псков: Тип. Псковского обл. управления, 1970. 161–177.
- . «Атмосфера иронии в поэмах 'Намуна' А. де Мюссе и 'Домик в Коломне' Пушкина (интерпретация мотива 'дон-жуанизма')». *Ученые записки Тартуского университета* 871 (1988): 29–36.
- . «Бомарше в трагедии 'Моцарт и Сальери'». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 36.3 (1977): 244–251.
- . «Ирония в 'Капитанской дочке' и 'Красном и черном'». *Русско-французские литературные связи конца XVIII-первой половины XIX века*. (электронная книга). <http://www.ruthenia.ru/volpert/intro.htm>. Ч. 1, «Пушкин и французская литература», сек. 2, гл. 3.
- . «К проблеме становления пушкинского психологизма». *Русский язык и литература в киргизской школе* 4 (1990): 68–73.
- . «l'ironie romantique dans 'Eujène Onéguine' et 'Le Rouge et le Noir'». In *l'Universalité de Pouchkine*. Paris: Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, 2000. 49–59.
- См. также: Вольперт, Л.И. *Русско-французские литературные связи конца XVIII-первой половины XIX века*. (электронная книга). <http://www.ruthenia.ru/volpert/intro.htm>. Ч. 1 «Пушкин и французская литература», сек. 2, гл. 1.
- . «... мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды» (Ирония в романе Пушкина 'Капитанская дочка'). *Вышгород* 3 (2003): 57–68.
- . «Наполеоновский миф у Пушкина и Стендаля». *Пушкинские чтения*. Ред. С.Г. Исаков. Таллинн: Eesti Raamat, 1990. 112–129.
- . «О литературных истоках 'Тавриидады'». *Русская литература* 3 (1966): 95–103.

- . «От 'верной жены' к 'неверной'. (Пушкин, Лермонтов. Французская психологическая традиция)». *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия*. Т. 1. Подгот. Кафедрой русской литературы Тартуского университета. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 1994. 67–84.
- . «План Пушкина 'Homme du monde' и роман Ж.-А. Ансело 'Светский человек' (мотив 'неверной жены')». *Studia Russika Helsingiensia et Tartuensia Ser. 4. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре*. Ред. Р. Лейбов и др. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1995. 87–103.
- . «Польско-русский эпизод 'Фобласа' и пугачевская тема у Пушкина». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 33.3 (1974): 270–274.
- . *Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль*. Москва: Языки русской культуры, 1998.
- . «Пушкин и Альфред де Мюссе. (О пародийности 'Домика в Коломне')». *Болдинские чтения* 1 (1976): 126–135.
- . «Пушкин и французская комедия XVIII в». *Пушкин. Исследования и материалы* 9 (1974): 168–187.
- . «Пушкин и книга Ж. Ансело 'Шесть месяцев в России'». *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия*. Т. 2. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 1996. 64–80.
- . *Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII—начала XIX в.* Таллинн: Eesti gaamat, 1980.
- . «Пушкин и Стендаль. (К проблеме типологической общности)». *Пушкин. Исследования и материалы* 12 (1986): 200–223.
- . «Пушкин после восстания декабристов и книга мадам де Сталь о французской революции». *Пушкинский сборник*. Ред. Е. Маймин, М. Ефимова и Е. Слинина. Псков: Псковский гос. педаг. ин-т., 1968. 114–131.
- . «Stendhal et Pouchkine». In *Campagnes en Russie. Sur les traces de Henri Beyle dit Stendhal*. Paris: Solibel, 1995. 210–222.
- . «Стернянская традиция в романах 'Евгений Онегин' и 'Красное и черное'». *Slavic Almanach* 10 (2001): 77–90. См. также Вольперт, Л.И. *Русско-французские литературные связи конца XVIII-первой половины XIX века*. (электронная книга). <http://www.ruthenia.ru/volpert/intro.htm>. Часть 1, «Пушкин и французская литература», сек. 2, гл. 2.
- . «Творческая игра и французская литература (К проблеме становления психологизма Пушкина)». *Cahiers du monde russe et soviétique* 30. 2 (1991): 197–208.
- . «Тема безумия в творчестве Пушкина и Стендаля ('Красное и черное' и 'Пиковая дама')». *Пушкин и русская литература*. Ред. Л.С. Сидяков и др. Рига: Латвийский гос. унив., 1986. 46–58.
- . «Хронотоп шуточных поэм Байрона, Пушкина и Альфреда де Мюссе ('Беппо', 'Граф Нулин', 'Мардош', 'Домика в Коломне', 'Намуна')». *Ученые записки Тартуского университета* 897 (1990): 25–35.

- Гиллельсон, М.И. «Статья Пушкина 'О Мильтоне и шатобриановом переводе 'Потерянного рая''». *Пушкин. Исследования и материалы* 9 (1979): 231–240.
- Гласе, А. «Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина». *Временник Пушкинской комиссии* 8 (1972): 77–79.
- Гречаная, Е.П. «Пушкин и Шенье (две заметки к теме)». *Временник Пушкинской комиссии* 22 (1988): 98–108.
- Гроссман, Леонид. «Пушкин и Андре Шенье». *От Пушкина до Блока*. Москва: Кн-во Современные проблемы, 1926. 15–51.
- Гуменная, Г.Л. «Ирония и традиция в художественном целом 'Тавриидады' Пушкина». *Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики*. Ред. М.Н. Дарвин и др. Кемерово: Кемеровский гос. унив., 1988. 63–66.
- . «Соблазнительные откровения». (Пушкин и французская мемуарная литература)». *Вопросы литературы* 4 (1993): 54–68.
- Дебрецени, П. (Debrecezy). «Символика 'Пиковой дамы'». *Studia Slavica* 27 (1981): 141–158.
- Дурылин, С. «Г-жа де Сталь и ее русские отношения». *Литературное наследие*. Москва: АН СССР, 1939.
- Жирмунский, В.М. «Пушкин и западные литературы». *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии* 3 (1937): 66–103.
- Заборов, П.Р. «Пушкин и Вольтер». *Пушкин. Исследования и материалы* 7 (1974): 86–99.
- Кирнозе, З.И. «'Друг другу чужды по судьбе / Они родня по вдохновенью'». *Мериме—Пушкин*. Москва: Радуга, 1987. 5–26.
- Кочеткова, Т.В. «Стендаль в личной библиотеке Пушкина». *Пушкинский сборник*. Рига: Редакционно-издательский отдел ЛГУ, 1968. 114–123.
- Колосова, Н.А. «Антиромантические тенденции в 'светских' повестях и новеллах Пушкина и Мериме». *Живые традиции*. Ред. Е.И. Покусаева. Саратов: Изд. Саратовского унив., 1978. 42–52.
- Козмин, Н.К. «Пушкин-прозаик и французские остроловы XVIII века (Шамфор, Ривароль, Рюльер)». *Известия по русскому языку и словесности АН СССР* 1.2 (1928): 536–558.
- Крамер, В.В. «Из истории ранних французских переводов Пушкина». *Временник Пушкинской комиссии* 10 (1974): 97–109.
- Крестова, Л.В. «Пушкин и Данжо». Перевод, *Пушкин. Исследования и материалы* 4 (1962): 267–273.
- Кюстин, Маркиз де-. *Николаевская Россия*. Москва: Терра, 1990.
- Лернер, И.О. «Пушкин и Шамфор». *Звенья*. Т. 5. Ред. В. Бонч-Бруевич. Москва: Academia, 1935. 119–121.
- Лотман, Ю.М. «Еще о 'славной шутке' Мадам де Сталь». *Литература и искусство в системе культуры*. Ред. Б.Б. Пиотровский. Москва: Наука, 1988. 380–381.
- . «Истоки 'толстовского направления' в русской литературе 1830-х гг.». *Избранные статьи*. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. 49–59.

- . «К проблеме 'Пушкин и переписка аббата Гальяни'». *Проблемы пушкиноведения*. Ред. Л.С. Сидяков и др. Рига: Латвийский гос. унив., 1983. 425–428.
- . «Об отношении Пушкина в годы южной ссылки к Робеспьеру». *Проблемы пушкиноведения*. Ред. Л.С. Сидяков и др. Рига: Латвийский гос. унив., 1983. 406–409.
- . «Пушкин и поэты французского либертинажа XVII века. (К постановке проблемы)». *Проблемы пушкиноведения*. Ред. Л.С. Сидяков и др. Рига: Латвийский гос. унив., 1983. 420–425.
- . «Три заметки к проблеме 'Пушкин и французская культура'». *Проблемы пушкиноведения*. Ред. Л.С. Сидяков и др. Рига: Латвийский гос. унив., 1983. 66–71.
- Люблинский, В.С. «Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина». *Временник Пушкинской комиссии* 2 (1936): 257–265.
- Милячина, В.А. «Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 46, № 3. Ред. В.Н. Ярцева. Москва: Наука, 1987. 244–254.
- . «Пушкин и 'Опыт об английской литературе Шатобриана'». *Пушкин. Исследования и материалы* 15 (1995): 153–164.
- Морозов, П.О. *Пушкин и Сент-Бёф*. Санкт-Петербург: Изд. Свобода, 1915.
- Мошинская, Р.П. «Пушкин и исторический анекдот Шамфора». *Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот*. Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн: Таллиннский педаг. ин-т им. Е. Вильде, 1989. 47–52.
- Муравьева, О.С. «Гюзла и 'Песни западных славян'». *Мериме—Пушкин*. Сост. З.И. Кирнозе. Москва: Радуга, 1987. 114–133.
- Ороховацкий, И.П. «Пушкинское подражание Ронсару. (К вопросу о французских стихах А.С. Пушкина)». *Пушкинский сборник*. Ред. Е.А. Маймин и др. Ленинград: Ленинградский гос. ин-т. Им. Герцена, 1977. 134–138.
- Петрунина, Н.Н. «К творческой истории романа 'Дубровский'». *Временник Пушкинской комиссии* 14 (1979): 15–23.
- . «Пушкин, Жан-Жак Руссо и Аврелий Виктор». *Временник Пушкинской комиссии* 22 (1988): 88–97.
- Пушкин, А.С. *Полное собрание сочинений в 17 томах*. Ред. В.Д. Бонч-Бруевич и др. Москва, Ленинград: АН СССР, 1937–1959.
- Реизов, Б.Г. «Воспоминания из Андре Шенье у Пушкина». *Поэтика и стилистика русской литературы*. Ред. М.П. Алексеев и др. Ленинград: Наука, 1971. 127–133.
- Сандомирская, В.Б. «'Андре Шенье'». *Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика*. АН СССР, Ин-т русской литературы. Ленинград: Наука, 1974. 8–34.
- . «Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье». *Пушкин. Исследования и материалы* 8 (1978): 90–108.
- Сержан, Л.С. «'Елегия' М. Деборд-Вальмор—один из источников письма

- Татьяны к Онегину». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 33, № 6. Москва: АН СССР, 1974. 536–552.
- Севастьянов, А. «Вольтер глазами Пушкина». *Вопросы литературы* 2 (1987): 146–167.
- Сидяков, Л.С. и др., ред. *Проблемы пушкиноведения*. Рига: Латвийский гос. унив., 1983.
- Сиповский, В.В. *Пушкин, Байрон и Шатобриан*. Санкт-Петербург: Тип. В. Демакова, 1899.
- Страда, В. «Пушкин, Шенье, Радищев и Французская революция». *Русская литература и история (Сборник в честь профессора Ильи Сермана)*. Jerusalem: Distributed by the Soviet Jewry Museum Foundation, 1989. 34–40.
- Тамарченко, Н.Д. «Пушкин и неистовые романтики». *Из истории русской и зарубежной литературы XI–XX вв.* Кемерово: Изд. Кемеровского унив., 1973. 58–77.
- . «Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского». *Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов. Сборник научных трудов*. Ленинград: Ленинградский гос. педаг. ин-т им. Герцена, 1974. 23–40.
- Томашевский, Б.В. «Французская литература в письмах Пушкина к Е.М. Хитрово». *Письма к Е.М. Хитрово. 1827–1832*. Ред. С.Ф. Платонов. Ленинград: Изд. АН СССР, 1927. 205–256.
- . «Французские поэты XVIII в». *Аполлон* 6–7 (1915): 63–85.
- . «'Каменный гость'». А.С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Т. 7. Ред. Д.П. Якубович. Ленинград: Изд. АН СССР, 1935. 547–578.
- . «К пушкинским сюжетам». *Пушкин и его современники* 36 (1923): 78–95.
- . «Маленькие трагедии Пушкина и Мольер». *Временник Пушкинской комиссии* 1 (1936): 115–133.
- . «Пушкин-читатель французских поэтов». *Пушкинист IV. Пушкинский сборник памяти С.А. Венгерова* (1922): 210–228.
- . «Пушкин и Буало». *Пушкин в мировой культуре*. Ленинград: Гос. изд., 1926. 13–63.
- . «Пушкин и французская литература». *Литературное наследство* 31–32 (1937): 1–76.
- . *Пушкин и Франция*. Ленинград: Советский писатель, 1960.
- . «Пушкин и французская революционная ода (Экушар Лебрен)». *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка* 2 (1940): 25–55.
- . «Пушкин и Лафонтен». *Временник Пушкинской комиссии* 3 (1937): 215–254.
- . «Пушкин и народность». *Пушкин—родоначальник новой русской литературы*. Ред. Д.Д. Благой и В.И. Кирпотин. Москва, Ленинград: АН СССР, 1941. 67–100.
- . «Пушкин и романы французских романтиков (к рисункам Пушкина)». *Литературное наследство* 16–18 (1934): 947–960.
- . «Заметки о Пушкине». *Пушкин и его современники* 28 (1917): 56–72.
- Томашевский, Б.В. и А. Попов. «Пушкин и французская юмористическая

- поэзия XVIII в». *Пушкинист. Историко-литературный сборник*. Т. 2. Ред. С.А. Венгерова. Петроград: Тип. А.Ф. Дресслева, 1916. 204–257.
- Фомичев, С.А. «Проза Пушкина. Начальный этап и перспективы эволюции». *Временник пушкинской комиссии* 21 (1987): 5–15.
- Фридендер, Г.М. *Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»*. Санкт-Петербург: Наука, 1995.
- . «Вольность и закон. (Пушкин и Великая французская революция)». *Великая французская революция и русская литература*. Ред. Г.М. Фридендер. Ленинград: Наука, 1990. 142–179.
- Фризман, Л.Г. «К заметке Пушкина ‘Об Андре Шенье’». *Временник Пушкинской комиссии* 14 (1979): 144–146.
- Чичерин, А.Б. «Пушкин, Мериме, Стендаль. (О стилистических соответствиях)». *Пушкин. Исследования и материалы* 7 (1974): 142–150.
- Шарышкин, Д.М. «Пушкин и ‘Нравоучительные рассказы’ Мармонтеля». *Пушкин. Исследования и материалы* 8 (1978): 107–136.
- Эткинд, Е.Г. «Гимн свободе». *Стихи и люди. Рассказы о стихотворениях*. Tenafly, NJ: Эрмитаж, 1988. 57–83.
- . «Метапереводы Пушкина». *Revue des études slaves* 59 (1987): 51–53.
- . «‘Союз ума и фурий.’» *Россия (Roussia)* 5 (1987): 62–63.
- ~
- Gibian, G. «Love by the Book: Pushkin, Stendhal, Flaubert». *Comparative Literature* 8 (1956): 97–109.
- Gregg, R. «Balzac and the Women in ‘The Queen of Spades’». *Slavic and East European Journal* 10 (1966): 279–282.
- Gutsche, G. «Pushkin’s ‘Andrei Shen’e’ and Poetic Genres in the 1820s». *Canadian-American Slavic Studies* 10. 2 (1976): 189–204.
- Keil, R-D. «Parny-Anclage im *Evgenij Onegin*». In *Festschrift für Margarete Woltner zum 70 Geburtstag*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1967. 121–133.
- Markowicz, A. «Pushkin et deux romantiques français: Sainte-Beuve et Antoni Deschamps. Problèmes de citation». *Revue des études slaves* 59 (1987): 21–44.
- Patouillet, J. «Pushkine et Molière». *Revue de littérature comparée* 17 (1937): 64–78.
- Shlapentokh, D. «Pushkin and Voltaire: The Writer as Existential Model». *Slavonic Journal*. Melbourne, Australia: Victoria, Dept. of Russian and Language Studies, University of Melbourne, 1989–1990. 97–107.
- Shulz, Rostislav. *Pushkin and Cazotte*. Washington, DC: Ross Press, 1987.

23

Предшественники Пушкина в XVIII и XIX вв. (Державин, Жуковский, Батюшков)

~ Олег Проскурин

In the rapidly changing language stratification of 1810s–1820s Russia, one “elderly contemporary” (Derzhavin) and two “immediately slightly senior” poets (Batiushkov, Zhukovskii) played roles in Pushkin’s development distinct from other potential “fathers” and “sons.” Pushkin’s relationship to these three poets, while having been studied numerous times, has been insufficiently understood because the Soviet-era mandate was for a forward-looking answer to “Pushkin’s path from Romanticism to Realism”—and this topic was undeniably backward-looking. The focus in this chapter is on “intertextuality,” taken here to mean Pushkin’s special brand of assimilation and transformation of poetic stimuli in his immediate environment (both his natural allies in Arzamas, and those officially belonging to a “hostile literary camp”). Proceeding chronologically, the author discusses the “ambivalence” (i.e., grateful tribute mixed with affectionate parody) that characterizes Pushkin’s special dialogic sensitivity to the influences he masters and transcends: Zhukovskii-ism, Plutarchism, the elegy, imitations of ancient poets, Byronism, “northern bard” poems (which Pushkin demotes stylistically from military epic to robber tale). Especially challenging is the issue of the outer limits of parody: how much “multi-voicedness” can a genre or mode absorb before the conceptual structure ceases to be effective.

Творчество Пушкина включено в орбиту исключительно многообразных и многоплановых интертекстуальных связей. И, тем не менее, отношение Пушкина с поэзией Державина, Жуковского и Батюшкова—традиционный объект исследовательской рефлексии. Для